

Игорь Шестков "Спутник"

СПУТНИК

Отдых наш подходил к концу. Живописные окрестности Миранды порядком надоели. Жара утомила.

Сколько же можно заниматься любовью в духоте короткой южной ночи, купаться на рассвете, пить на завтрак один и тот же кофе, днями таскаться по выжженным солнцем долинам, от руин одного замка к руинам другого, постоянно рискуя провалиться в глубокие ямы, на дне которых живут какие-то осклизлые гадины, карабкаться, распугивая ящериц, в поисках воздушных орхидей по розоватым растрескавшимся скалам, в толщах которых, как говорят, ждут своих первооткрывателей тысячи окаменелых чудовищ, а вечерами пить старый терпкий Москатель и закусывать горьковатым местным хлебом с жареными шампиньонами?

Моя подруга соскучилась по большому городу, супермаркету, кондиционеру. У меня сломалась электробритва. Я позвонил в туристическую компанию – и они милостиво позволили нам улететь на неделю раньше назначенного срока.

Вещи были собраны, и мы томились, как все томятся перед дальней дорогой. Солнце стояло в зените, наш самолет вылетал в пять, полчетвертого должно было подъехать такси.

Мне захотелось еще раз искупаться в море.

Поплывать и покувыркаться в средиземноморской водичке перед четырнадцатичасовым заключением в вибрирующем кресле салона туристического класса, в «боинговой сардинной банке», как говорила моя злая на язык подруга.

В последний раз насладиться свежим морским ветром, простором и волей перед тем, как натянуть на себя еще на один год давно опротивевшую мне маску кровно заинтересованного в успехе фирмы, дисциплинированного и креативного сотрудника и позволить запирать себя шесть раз в неделю на десять часов в пятидесятиэтажном казенном крысари.

На мое предложение пойти искупаться, моя нетерпеливая подруга ответила так – я не желаю приезжать в этот дурацкий бетонный сарай в последний момент и устраивать там беготню по таможням. Извини, я хочу побыть одна...

И ушла к автобусной остановке. Налегке, со своей любимой беленькой сумочкой из змеиной кожи на плече, в которой хранила паспорт, наличные и драгоценности. Три огромных розовых чемодана с шмотками и сумку с тропическими сувенирами, купленными по дешёвке в Миранде, придется тащить мне одному.

Я наблюдал в бинокль ее вальсирующую фигурку с вершины пологого холма, где мы жили в окруженном кустами цветущего вереска общежитии горнорабочих, переделанном в бунгало для туристов из-за океана, дороге, уходящую в золотое августовское марево, над которой пламенели круглые башни миражей, и медленно ползущий посреди них автобус с кажущейся нелепой в такой зной рождественской рекламой кока-колы на серебряном боку. Сидящий по-турецки на ковре дородный Санта-Клаус в бордовой шубе с двумя маленькими запотевшими бутылочками в руках похотливо смотрел в стеклянный шарик, внутри которого позировала полураздетая красавица, похожая на молодую Мэрилин Монро. Рядом с ней – запорошенный снегом цветочный домик, игрушечный олень, увенчанный светящейся короной, ухмыляющийся гном с молоточком в руках и здоровяк-снеговик, увитый электрической гирляндой.

Перед тем, как войти в автобус, моя подруга помахала мне на прощанье белой сумочкой. Показав перед этим рукой на рекламу, повертев пальцем у виска и пожав плечами.

После ее отъезда мне стало грустно, я сел в плетеное кресло и закрыл глаза. Когда я очнулся, во мне перекрестным эхом всюду пело предчувствие – ты больше не увидишь ее, не увидишь никогда, никогда...

Идти купаться расхотелось, но я все-таки пошел туда, вниз, в приморский городок Миранду, за которым простиралось ослепительное, обморочно-синее море.

...

Не нужно мне было спускаться в Миранду!

Может быть, еще не было поздно изменить судьбу?

Надо было послушать мою благоразумную подругу, вызвать такси пораньше и дожждаться отлета, сидя в аэропорту, в мягком кресле, с чашечкой капучино, под кондиционером.

Хотела побыть одна? Ничего нет легче этого. Сели бы в кресла, смотрящие в разные стороны.

Но нет, я упрямо зашагал к морю... и тут же понял, что дело дрянь. Кто-то срыл аккуратную дорожку, вымощенную красным кирпичом, выющуюся от нашего бунгало причудливым серпантинном до самого центра Миранды, а склон холма засадил колючим кустарником, разбросал повсюду битые кирпичи, осколки стекла, ржавые консервные банки, иголки, спицы, ножи, пилы, рыболовные крючки...

Кто-то содрал с меня летнюю одежду и напялил на меня жаркую красную шубу, безобразный колпак с опушкой из белого меха, свиные рукавицы, безразмерные ватные штаны, снял с меня сандали и обул мои ноги в грубые сапоги.

Препоясал меня широким кожаным ремнем. Превратил в одно мгновение мою недельную рыжую щетину в окладистую седую бороду. Закинул мне за спину мешки с пылающими углями.

Может быть, я спятил? Нет, скорее спятил окружающий меня мир.

И вот я, новоиспеченный Санта-Клаус, пыхтя и ворча, спускаюсь с холма, иду в Миранду, продираюсь сквозь кустарник к синему морю.

Под ногами у меня хрустит.

В ушах стреляют пушки.

Перед носом летают всякие насекомые твари.

В голове у меня пусто.

На спине – тяжелые мешки.

Но я иду, иду, упрямо, как безумец...

Шипы впиваются в мою кожу, корявые ветки хлещут меня по лицу, стекляшки и лезвия режут мне руки, ржавые банки виснут пъявками на рукавах и воротнике.

Я спотыкаюсь и падаю.

Качусь.

Ползу.

Встаю и иду.

Скоро... скоро, уговариваю я сам себя, ты спустишься с холма, сдашь проклятые мешки в камеру хранения... сбросишь с себя эту меховую рухлядь, этот дешевый маскарадный костюм и нырнешь голый в прохладную прозрачную водичку! Она вылечит твои раны, взбодрит и успокоит тебя. После купания ты украдешь на пляже чьи-нибудь шорты и пойдешь к старухе-гадалке, предсказавшей тебе три дня назад за сотню зеленых «долгую счастливую жизнь», а твоей подруге – «скорое освобождение от влияния негативных созвездий», она разложит карты и объяснит тебе, что с тобой приключилось. Потом забежишь в «Синий попугай» к знакомому бармену, займешь у него денег, выпьешь хереса и расспросишь его обо всех этих чудесах. Может быть, ты не первый, с которым случилось такое. Миранда – место необычное, странное, чем черт не шутит. А бармены знают все. На худой конец обратишься в полицию или свяжешься с консульством. Заберешь свои чемоданы и поедешь в аэропорт. И все будет как раньше.

...

Очень скоро я убедился в том, что никакого «раньше» больше нет.

Городок Миранда исчез.

Вместо шумного рыбного базара, на котором мы не раз покупали гляцевую рыбу с темно-синими глазами и лиловыми плавниками, вместо украшенных разноцветными китайскими фонариками улиц, уютных ресторанчиков, баров, где подавали лучшие на побережье тапасы с трюфелями, – пустая, мощеная брусчаткой площадь. Широкая и круглая, как площадь перед собором Святого Петра в Риме. Без домов, деревьев, людей. Без автостоянки и без романской церкви святого Мартина, в которую моя подруга непременно заходила перед тем, как направиться со мной на пляж.

Я зарычал от разочарования и боли и побежал по булыжникам в сторону моря как старый кентавр из известного романа. Гремя консервными банками как автомобиль новобранцев. Я скакал так быстро, что чуть не подавился собственной бородой.

Вот и знакомые дюны...

Но... где же вода, где пляж, лежаки, купальщицы, где продавцы апельсинового сока и мороженого? Куда девались тысячи тонн сверкающего белоснежного

песка, где знаменитые двадцатиметровые волны, образующиеся тут из-за скрещивающихся течений?

Где кабинки для переодевания, в которых так остро пахло менструальной кровью?

Там, где еще утром загорали и купались туристы, зияла пропасть.

С ее дна, из зловонного чрева земли, поднялся, прямо у меня на глазах, грохочущий многокилометровый смерч. Я даже не успел его как следует рассмотреть, как он уже подхватил меня, завертел и швырнул в небеса.

С тех пор я спутник.

Кручусь себе на орбите.

В космосе холодно, скучно и одиноко.

Я забыл свою прежнюю жизнь, профессию, родину.

Лишь одно воспоминание – о стеклянном шаре с красавицей, похожей на Мэрилин Монро – никак не выходит у меня из головы. Я мечтаю о том, что когда-нибудь она разделит со мной мое одиночество.

Я заверну ее моей атласной шубой.

Подарю ей ожерелье из мерцающих звезд.

И буду лизать ее ледяные сапфировые глаза...

Дополнение. Письмо редактору.

Дорогой В., посылаю Вам рассказ "Спутник".

В стиле фэнтези.

Это самый странный текст, который я написал. Я переписывал его с начала и до конца раз шесть.

Не обижусь, если Вы его не напечатаете.

Этот коротенький текст - для меня - именно то, главное в так называемой "литературе", ради чего она пишется...

Ради чего можно себе позволить грех "описаний", "диалогов", грех многословия, грех творчества...

Это - готовность "загадочного соседа" (человека) к трансцендентальным
преобразованиям - "бессмертья, может быть, залог", как написал гений.

Ваш ИШ